

Парадигма О. П. Коршунова

Статья вторая

Документографическая концепция О. П. Коршунова

(Статья первая опубликована в № 4 2013 г.)

Момент превращения классической библиографической науки в неклассическое библиографоведение; введение О. П. Коршуновым категории «библиографическая информация».

Ключевые слова: научная революция, О. П. Коршунов, библиографоведение, научная концепция, информация, документ.

В соответствии с принятым нами определением библиографоведческой парадигмы, будем считать *документоцентристской парадигмой* выраженные отраслевыми терминами общепризнанные смыслы библиографического социального института (БСИ), сконцентрированные вокруг концепта *Документ*.

Концентрация смыслов БСИ вокруг концепта *Документ* означает, что: 1) кредо профессии (ценности, цели и мифологические образы) воплощено в документальном обслуживании; 2) теоретическое ядро связано с категорией *Документ*; 3) практикуемые методологии и технологии соответствуют условиям документальной коммуникации.

Обратим внимание, что документоцентристская парадигма использует другую отраслевую терминологию, чем книгоцентристская парадигма: учёные-библиографы первой половины XX в. никогда не рассуждали о документах, документальном обслуживании, документальной коммуникации. Следовательно, их профессиональное сознание существенно отличалось от сознания библиографоведов-документоцентристов.

Напомним, что *научная революция*, согласно современной философии науки, – это «радикальное изменение процесса и содержания научного познания, связанное с переходом к новым теоретическим и методологическим предпосылкам, к новой системе фундаментальных понятий и методов, к новой научной картине мира, с качественными преобразованиями материальных средств наблюдения и экспериментирования, с новыми способами оценки и интерпретации эмпирических данных, с новыми идеалами объяснения, обоснованности и организации знания» [1. С. 584]. Короче говоря, научная революция понимается как смена парадигмы, которая проявляется, прежде всего, в пересмотре господствующих теоретических концепций и методологических постулатов.

Советская книгоцентристская парадигма базировалась на принципах партийности и государственного управления; бесспорными истинами считались тексты классиков марксизма-ленинизма, особенно высказывания В. И. Ленина о библиографии, а также партийно-правительственные руководящие материалы. Общее признание советской парадигмы было безусловным: библиотечно-библиографическое сообщество доверяло только этому профессиональному кредо как единственно правильному, надёжному, добротному руководству. И вдруг^¼ (конечно, не сразу, но всё-таки неожиданно) – научная революция, рождение новой парадигмы, нового кредо.

С начала 1970-х гг. на страницах сборника «Советская библиография» замелькали

непривычные, так сказать, *неклассические* термины: «восхождение от абстрактного к конкретному», «библиографическая информация», «системность», «сущность библиографии», «библиографическое моделирование» и т.п. Эти термины не вписывались в ленинскую парадигму, были чужды принципу партийности, поэтому бдительные ветераны идеологического фронта не без основания заговорили о «схоластическом теоретизировании», об отрыве от практики коммунистического строительства вообще и советской библиографической практики в частности.

Действительно, в 1970-е гг. библиографическая теория *преодолела* идеологически декретированную вспомогательность и начала поиск подлинной, естественной сущности библиографии. Вышли в свет (наконец-то, впервые!) не одна, а сразу две одновременно, не исторические, а злободневные, подлинно научные фундаментальные монографии А. И. Барсука [2] и О. П. Коршунова [3].

Неклассические идеи А. И. Барсука и О. П. Коршунова были с энтузиазмом восприняты научно-педагогическим библиографическим сообществом не только из-за логической силы аргументов и научной эрудиции авторов, но и благодаря «протестному» пафосу, который невольно ощущался читателями. В абстрактных, казалось бы, рассуждениях речь шла об общечеловеческих, абсолютных, а не классово ориентированных ценностях; принцип коммунистической партийности не предопределял социальные функции библиографии, а решения последнего партийного съезда не служили критерием истинности выдвинутых гипотез.

Неклассическая рациональность привлекала давно забытым вольномыслием, это был прорыв в царство духовной свободы, именуемой «теоретическое библиографоведение», из плена идеологической ангажированности. Копившийся десятилетиями протест получил выход не в библиографической практике, надёжно охраняемой цензурными рогатками, а в трудно контролируемой теоретической сфере.

Смена парадигм, подобно религиозной реформации, – не одномоментный локальный прорыв, а длительное движение профессионального мировоззрения от книгоцентризма к документоцентризму. Признанным лидером этого движения стал О. П. Коршунов, энергично и деловито взявшийся за преобразование классической библиографической науки в неклассическое *библиографоведение*. Важнейшими достижениями стали официально рекомендованный вузам учебник «Библиография. Общий курс», вышедший в свет под редакцией О. П. Коршунова в 1981 г., и новаторский ГОСТ 7.0–84 «Библиографическая деятельность. Основные термины и определения».

В начале 1990-х гг. появился учебник, подготовленный О. П. Коршуновым, – квинтэссенция отечественной библиографоведческой теории [4]. Здесь была провозглашена дефиниция неклассического библиографоведения: «научная дисциплина, изучающая структуру и свойства библиографической информации, закономерности процессов её создания и доведения до потребителя» [Там же. С. 194].

Таким образом, новая парадигма триумфально вступила в область библиографического образования и в область профессионального языка – орудия профессионального мышления. Неклассическое библиографоведение достигло статуса нормативной науки, признанной Высшей аттестационной комиссией в качестве академической дисциплины.

В чём проявилась неклассическая суть новой библиографоведческой парадигмы? В том, что предметом библиографоведения была признана *библиографическая (вторично-документальная) информация* как «сведения о документах (источниках информации), отчужденные от них». *Документами*, выступающими в качестве объектов библиографической деятельности, считалась любая социальная информация, зафиксированная человеком на

любом материальном носителе в целях её хранения, распространения и использования. Таким образом, утверждалась *документоцентристская парадигма, основанная на концептах Информация и Документ*. Обращение к этим концептам позволило выявить фундаментальные закономерности библиографической деятельности, перейти от всеобщей вспомогательности к существенным функциям и структурам библиографических систем, что свойственно неклассической рациональности, оперирующей не эмпирическим знанием, а гипотетическими предположениями и абстрактными моделями.

Категория библиографической информации стала краеугольным камнем теоретической конструкции О. П. Коршунова, ибо все основополагающие понятия, кроме системы документальной коммуникации (метасистемы), определяются в его концепции посредством этой категории. Библиографическая информация выступала в качестве посредника в коммуникационной системе «документ – потребитель» (система Д – П), в качестве и обобщающего понятия для различных продуктов библиографической деятельности, и предмета библиографической потребности.

По словам Г. Ф. Гордукаловой, «железной логикой и волею О. П. Коршунов объединяет весь запас библиографической сферы и обосновывает *двойственность* объекта профессиональной деятельности, вводя систему “документ – потребитель”, которая: расширяет обе части и ранее известной формулы связи “книга – читатель”, предвидя бесконечное разнообразие носителей, жанров, а также дальнейшее обогащение читающей аудитории, включая слушателей, зрителей видеоинформации и другие утилитарные группы, не попадающие под определение “читатель”; уравнивает обе составные части объекта, включая их в устойчивое словосочетание, превращая эту формульную связь из средства отображения в аксиому и средство познания; определяет концептуально новую сверхзадачу для библиографии: реализация соответствий между документом и потребителем в обозначенной системе. Преобразовав выражение объекта профессиональной деятельности, О. П. Коршунов предложил логически безупречную систему, которой хватит нам на все времена существования библиографии» [5. С. 387, 388].

О. П. Коршунов руководствовался самостоятельно выработанным методологическим кредо, которое звучало следующим образом: теоретически воспроизвести библиографию, взятую в целом, можно только на основе системно-деятельностного подхода способом диалектического восхождения от абстрактного к конкретному. До Олега Павловича библиографическая мысль двигалась «от конкретного к абстрактному», т.е. «восходила» от практического опыта к его обобщению в виде принципов и рекомендаций. Теперь же он говорил о движении от умозрительных абстракций (документ, потребитель, информация) к реально наблюдаемым явлениям и процессам. На основании этого методологического подхода, соответствующего нормам неклассической рациональности, О. П. Коршунов продемонстрировал теоретическое воспроизведение библиографии в генетическом (возникновение) и функциональном (общественные функции) аспектах.

Основными постулатами, необходимыми и достаточными для теоретического воспроизведения библиографии, Олег Павлович считал общественные функции библиографической информации – поисковую, коммуникативную, оценочную, а официально предписанные библиографическому институту идейно-воспитательные, культурно-просветительные, научно-вспомогательные и т.п. функции были объявлены вторичными, производными от основных функций.

В дальнейшем многие разделы учения О. П. Коршунова были им мастерски отработаны, в том числе: «компоненты библиографической деятельности», «видовая классификация библиографии как области деятельности», «библиографоведение в системе смежных областей знания» и др.» [6]. Итоговая дефиниция библиографической информации как научного понятия выглядит следующим образом: «*Библиографическая информация* – это, как правило,

определённым образом организованная (стандартная) информация о документах, выполняющая в системе документальных коммуникаций поисковую, коммуникативную, оценочную основные общественные функции и имеющая конечной целью удовлетворение и формирование документальных потребностей членов общества» [7. С. 116].

Обратим внимание на впервые сформулированный в теории О. П. Коршунова *критерий отграничения библиографического от небиблиографического*, который трактуется так: «где бы ни обнаруживались и как бы терминологически ни обозначались вторично-документальные процессы, во всех случаях и в тех пределах, в каких речь идёт о создании, доведении до потребителей сведений о документах (но не самих документов) в целях поиска, оповещения и рекомендации, мы имеем дело с библиографическими по своей сущностной природе явлениями» [Там же. С. 117].

Значение новаторских идей О. П. Коршунова для качественного преобразования отечественной библиографической науки трудно переоценить. В рамках книговедческой парадигмы феномен библиографии большинство исследователей раскрывали через понятия библиографической методики/технологии. Они видели миссию библиографии в разыскании книг, критическом освоении их содержания и классификации с целью активной и компетентной помощи читателю в выборе и использовании книг в зависимости от их качества. Теперь библиографическая мысль была направлена на познание глубинных сущностей, а вопросы методики практической работы были сосредоточены в методико-технологическом разделе библиографоведения.

Главное место в неклассическом библиографоведении занял теоретический раздел – наиболее отстающий участок библиографической науки до середины 1970-х гг. Было не только обосновано значение теории библиографии в составе библиографоведческого комплекса, определены её предмет и задачи, но и внесён существенный позитивный вклад в разработку её главных проблем, включая сущность библиографии, общественное назначение видов библиографии, соотношение понятий *функция* и *виды* библиографии, моделирование видовой структуры библиографии, сходство, различия и взаимосвязи библиографоведения, библиотековедения и информатики как «смежных научных дисциплин».

Первая документоцентристская концепция стала образцом раскрепощённой научной мысли. Нельзя не согласиться с восторженными словами Э. К. Беспаловой: «Теория обрела системный характер, высветила информационную природу библиографической деятельности. Основные понятия подняты до уровня частнонаучных категорий, имеющих не только классовое, но и общечеловеческое содержание. Никогда ещё общетеоретическая работа не поднималась так высоко, не вызвала столь серьёзной дискуссии, ломки устарелых и твердо закрепившихся объяснений. Это революция в познавательной деятельности, но она имела моменты постепенного накопления, которые в теории О. П. Коршунова достигли концентрированной силы» [8. С. 10].

Как назвать концепцию Коршунова? Сам Олег Павлович посвятил специальную статью обсуждению вопроса «Документографическая ли концепция Коршунова?» [9]. Он пришёл к выводу, что все концепции, считающие, что объектом библиографирования является документ, правомерно и логично именовать «документографическими». Признаваясь, что сам он «притерпелся» к такой квалификации своих научных поисков и «стал воспринимать её как должное», О. П. Коршунов, тем не менее, настаивает на более широкой формулировке: «Моя концепция – это системно-деятельностная, документально-информационно-коммуникационная концепция начала общей теории библиографии. Именно начала. Необходимо это ещё раз подчеркнуть» [Там же. С. 195].

В этом определении акцентируются отличия концепции О. П. Коршунова от других библиографоведческих теорий. Но для нас важны не особенности взглядов О. П. Коршунова,

а его роль как первооткрывателя документоцентристской парадигмы.

Документоцентризм означает переход от описания произведений печати к документоописанию (документографии). Поэтому позволим себе классифицировать теорию О. П. Коршунова как *документографическую и вторично-документальную*. В 1990-е гг. концепция Коршунова была признана теоретическим ядром документоцентристской парадигмы библиографоведения. Она господствовала в библиотечно-библиографическом образовании, пользовалась безусловным авторитетом среди учёных библиографоведов и стимулировала коллег на дальнейшие творческие поиски. Неслучайно документоцентристская парадигма, использующая арсенал неклассической рациональности, быстро обогатилась многочисленными концепциями библиографии.

Список источников

1. **Энциклопедия** эпистемологии и философии науки / РАН ; Ин-т философии РАН. – Москва : Канон+, 2009.
2. **Барсуک А. И.** Библиографоведение в системе книговедческих дисциплин. – Москва : Книга, 1975. – 206 с.
3. **Коршунов О. П.** Проблемы общей теории библиографии. – Москва : Книга, 1975. – 191 с.
4. **Коршунов О. П.** Библиографоведение. Общий курс. – Москва : Книжная палата, 1990. – 232 с.
5. **Гордукалова Г. Ф.** Объект библиографической деятельности: восприятие, изучение, динамика // Российское библиографоведение: итоги и перспективы : сб. науч. ст. / науч. ред. Т. Ф. Лиховид. – Москва : ФАИР-ПРЕСС, 2006.
6. **Коршунов О. П.** Библиографическая информация как научное понятие // Сов. библиография. – 1985. – № 3. – С. 31–41; **Он же.** Библиография: теория, методология, методика. – Москва : Книга, 1986. – 287 с.
7. **Коршунов О. П., Лиховид Т. Ф., Новоженова Т. А.** Библиографоведение: основы теории и методологии : учеб. / под ред. О. П. Коршунова. – Москва : ФАИР, 2009.
8. **Беспалова Э. К.** Главный итог // Сов. библиография. – 1987. – № 6.
9. **Коршунов О. П.** Моя концепция библиографии (документографическая ли она?) // Российское библиографоведение: итоги и перспективы : сб. науч. ст. / науч. ред. Т. Ф. Лиховид. – Москва : ФАИР-ПРЕСС, 2006. – С. 179–198.